

УДК 32

Проблема формирования национально-государственной идентичности посредством исторической политики

Студников Павел Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры 518,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, Волоколамское ш., 4;
e-mail: studnikova.marina@yandex.ru

Матыцин Александр Анатольевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры 517,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, Волоколамское ш., 4;
e-mail: a.matytsin@rambler.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается возможность построения национально-государственной идентичности посредством исторической политики. Авторы указывают, что в научном сообществе существует мнение, согласно которому исторические события пригодны для построения национально-государственной идентичности при условии удовлетворения критериям узнаваемости, позитивности и неконфликтности их восприятия. В статье дается критика, вытекающего из вышеуказанных критериев вывода, согласно которому российская история «ограниченно пригодна» для осуществления исторической политики и формирования национально-государственной идентичности. Авторы обосновывают тезис, что не российская история «ограничено пригодна» для построения национально-государственной идентичности, а, напротив, осуществление исторической политики, исходя из указанных критериев, будет иметь следствием ослабление национально-государственной идентичности. Авторы указывают, что формирование идентичности происходит не в бесконфликтной среде, а, наоборот, в условиях социальных конфликтов. Опираясь на продолжительную традицию осмысления феномена идентичности, авторы обращают внимание, что социальная самоидентификация индивидов и сообществ вырабатывается в результате сопоставления своего «мы» с другими «они». В связи с этим авторы обосновывают вывод, что необходимыми условиями формирования национально-государственной идентичности являются различные оценки исторических событий и лежащая их основе система «свой» / «чужой».

Для цитирования в научных исследованиях

Студников П.Е., Матыцин А.А. Проблема формирования национально-государственной идентичности посредством исторической политики // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 1А. С. 297-306.

Ключевые слова

Национально-государственная идентичность, политика, история, историческая политика, политика памяти, политика прошлого, оценка исторических событий, социальные конфликты, система «свой» / «чужой».

Введение

Общепризнанно, что между исторической политикой, т.е. стремлением государства утвердить определенные интерпретации исторических событий в качестве доминирующих и национально-государственной идентичностью существует связь. Есть также мнение, что историческая политика является одним из способов построения национально-государственной идентичности, а государство, выступающее одним из акторов исторической политики, является конструктором таковой. Грубо говоря, давая определенные оценки событиям прошлого, государство тем самым задает нашу идентичность. Это мнение бытует в научных кругах, полагаем также, что оно разделяется и определенной частью политической элиты. Такой подход в научной литературе получил название конструктивистского.

Основная часть

При таком подходе важнейшим является вопрос о том, какие события прошлого могут представлять собой ресурс для формирования идентичности? Отвечая на этот вопрос, О.В. Малинова выделяет три критерия, удовлетворяя которым исторические события могут рассматриваться как «пригодные» для этой цели:

а) они должны быть закреплены в массовом сознании, т.е. «освоены» посредством разных каналов социализации (критерий узнаваемости);

б) они должны позволять конструировать положительно окрашенный образ сообщества (критерий позитивности);

в) они не должны являться предметом противоположных оценок (критерий неконфликтности) [Малинова, 2013].

Выделяя три вышеуказанных критерия, О.В. Малинова приходит к выводу, что «если посмотреть с этой точки зрения на наследие прошлого, которое досталось постсоветской России, то следует признать, что, несмотря на то что это наследие огромно, событий, которые соответствуют всем эти критериям, не так много». И еще: «Проблемой здесь является то, что тысячелетняя история России – это в значительной степени пустая метафора, потому что готовых событий, пригодных для политического использования, в этом прошлом не так много – событий, которые соответствовали бы критерию узнаваемости, позитивности и неконфликтности» [Малинова, www].

Вышеописанный подход О.В. Малиновой весьма и весьма интересен, поскольку, как нам представляется, событий, удовлетворяющих данным критериям, нет вовсе. И здесь заметим, что, формулируя вышеозначенные критерии, сама О.В. Малинова не приводит в качестве примера ни одного события, удовлетворяющего им.

Тем не менее, анализируя этапы становления политики прошлого в постсоветской России, О.В. Малинова отмечает, что первое на что обратило внимание государство в целях осуществления исторической политики – это Великая Отечественная война, русская культура и успехи в освоении космоса. И здесь опять отметим, что сама О.В. Малинова не дает оценки

соответствия указанных событий и явлений заявленным критериям, однако тот факт, что они выбраны первыми, а значит и наиболее очевидными объектами для осуществления исторической политики, заставляет нас проанализировать это соответствие.

Начнем с Великой Отечественной войны. Действительно это событие, на первый взгляд, удовлетворяет вышеобозначенным критериям: представляется, что о Великой Отечественной войне знают все, что участие в разгроме нацизма характеризует нас позитивно и что заслуги нашей страны в борьбе с фашизмом неоспоримы. Однако, на самом деле ситуация гораздо сложнее.

Во-первых, предлагаемая исторической политикой стран Восточной Европы, включая и бывшие республики СССР, интерпретация событий и итогов Второй мировой войны весьма отличается от преобладающей в российском обществе. Это, в частности, проявляется в официальном прославлении тех, кто воевал на стороне фашистской Германии, тезисе о советской оккупации и ее принципиальной тождественности нацистской оккупации, создании многочисленных музеев оккупации, демонтаже памятников советским солдатам, умалении памяти о войне, критике ялтинского устройство мира и т.д.

Более того, оспаривается сам факт такого события как Великая Отечественная война. Великая Отечественная война – это событие для нашей историографии. Для зарубежной историографии существует исключительно термин «Вторая мировая война», в которую, как представляется «нашим западным партнерам», СССР вступил не 22 июня 1941 года, а 17 сентября 1939 года. Тем самым обосновывается точка зрения, что Советский Союз и фашистская Германия вместе развязали Вторую мировую войну.

Во-вторых, и в российском обществе существует различное отношение к Великой Отечественной войне. Так, например, бывший директор ИНИОН РАН (Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук), академик Российской академии наук Юрий Пивоваров [Пивоваров, www] на одной из конференций, проведенных в Восточной Европе, отмечал: «Культ советской победы в мировой войне – основное легитимное основание современной России. Его громко озвучивают телевидение, газеты, другие средства массовой информации. На этом основании строится сознание двадцатилетних. Эта победа для нас все, никогда от нее не откажемся, только мы можем победить – это главные составляющие мифа. Предавший забвению миллионные жертвы миф о победе в мировой войне стал после 1945 г. главным основанием легитимации второго издания коммунистического режима в СССР, а потом и в нынешней России» [там же].

Однако можно напомнить и о других фактах, свидетельствующих о неоднозначной оценке событий Великой Отечественной войны, имеющей место в нашем обществе. В частности, отметим памятник коллаборационистам в сквере на Соколе в Москве, акцию власовская ленточка, неоднозначное отношение к защите блокадного Ленинграда, продемонстрированное на телеканале «Дождь», споры о панфиловцах, Космодемьянской, Матросове, о первых месяцах войны, о причинах победы, заградотрядах и т.д. Полагаем, что введение уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, является не просто отражением факта существования негативных оценок роли СССР во Второй мировой войне, но и опасно широкого их распространения в обществе.

Учитывая вышеприведенные факты можно ли утверждать, что Великая Отечественная война удовлетворяет заявленным критериям «пригодности» исторических событий для целей построения национально-государственной идентичности, в первую очередь критериям неконфликтности и позитивности? Очевидно, что нет. А как следствие этого, видимо, надо сделать вывод, что Великая Отечественная война не то событие, опираясь на которое можно строить российскую идентичность.

Перейдем к достижениям науки и культуры. Опять же, на первый взгляд использование в целях создания позитивно воспринимаемого и не вызывающего противоположные оценки образа самих себя посредством обращения к выдающимся деятелям науки и культуры оправдано. Представители науки, культуры и искусства и их достижения не имеют столь конфликтного наполнения, нежели конфликтные сами по себе и конфликтно воспринимаемые исторические события и политические фигуры. Безусловно романы Достоевского и Толстого, музыка Чайковского и Глинки, идеи Лобачевского, открытия Менделеева и т.д. позволяют российскому сообществу почувствовать себя значимой частью мирового культурного пространства.

Однако, во-первых, стремление сформировать позитивный образ самих себя через политически нейтральные фигуры слабо позволяет сформировать государственно-политическую составляющую национально-государственной идентичности. Итогом такого рода исторической политики может быть вывод, что «земля наша обильна и богата» в данном случае талантами и достижениями культуры, но «порядка» в ней как не было, так и нет. В итоге, видимо, будет обращение к «варягам» с известной просьбой: «Приходите княжить и владеть нами».

Во-вторых, даже «нейтральные» деятели науки, искусства и культуры на самом деле таковыми не являются. Они кажутся бесконфликтными на фоне противоречивых Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Николая II, Ленина, Сталина и т.д. Если же их взять отдельно, без сопоставления с политиками, то и в них мы увидим ту же противоречивость. На политическое наполнение деятелей культуры обратил внимание еще В.И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» [Ленин, 1968]. А подтверждением мыслей В.И. Ленина будут являться следующие слова А.Б. Чубайса: «Я перечитывал Достоевского. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски» [Чубайс, www]. И даже в такой политически нейтральной сфере духовного производства как наука возможны глубокие политические конфликты. Вспомним, например, споры о социалистической и буржуазной математике, не говоря уже о политическом наполнении научных споров в области генетики, кибернетики т.д.

В-третьих, умышленно избегая политизации в вопросах идентификации, стремясь опереться на политически нейтральные фигуры мы, тем самым, с одной стороны, загоняем себя в иллюзию, что есть какие-то сферы, на которые не влияют политические конфликты, а, с другой стороны, отказываемся от мощного ресурса – защиты нашей идентичности политическими средствами со стороны государства.

Например, стремление построить образ России как великой спортивной державы столкнулось с обвинениями в существовании государственной системы поддержки допинга и обвинениями российских спортсменов в употреблении запрещенных препаратов. Основываясь на заблуждении, что спорт вне политики и что для защиты как своего статуса, так и спортсменов политических средств не потребуется, мы не только не смогли реализовать стремление идентифицировать себя как великую спортивную державу, но и не смогли надлежащим образом защитить своих спортсменов, поскольку необходимые для этого политические ресурсы были утрачены. Иными словами, стремление построить собственную идентичность на политически нейтральной основе лишает политических средств ее защиты в условиях конфликтов.

Подводя итог анализу возможной идентификации через «нейтральных» деятелей науки, искусства, культуры, спорта и т.д. отметим, что данная идентификация является ограниченно возможной и непрочной.

Нельзя в полной мере считать удовлетворяющим критериям узнаваемости, позитивности и бесконфликтности, и наши достижения в освоении космоса. Не застав лично запуск первого спутника и полет Гагарина, мы не можем непосредственно судить о том, как были восприняты эти события в общественном сознании. Однако по свидетельствам современников указанных событий успехи СССР в освоении космоса были восприняты далеко неоднозначно: на бытовом уровне имели место заявления, что полеты в космос в условиях, когда не обеспечен достойный уровень жизни населения, не оправданы. Что же касается периода горбачевской перестройки и тем более настоящего времени, мнение, что космическая программа нужна власть имущим, для удовлетворения собственных амбиций, получения должностей и наград, «распила» бюджетных средств и т.д., а не рядовым людям, не являются редкостью. Если же посмотреть на полеты в космос с точки зрения периодически имеющих место неудачных запусков космических аппаратов, то картина предстанет совсем неоднозначная и зачастую совсем не позитивная.

Таким образом, ни Великая Отечественная война, ни достижения в культуре, ни в космосе не удовлетворяют критерию однозначности их восприятия, а как следствие этого является спорным и удовлетворение критерию позитивности.

Безусловно поиск событий, явлений, фигур, удовлетворяющих этим требованиям, можно было бы продолжить. Однако, полагаем, успеха мы в этом не сыщем. Поэтому поверим О.В. Малиновой, что событий российской истории, удовлетворяющих обозначенным ею критериям, не так уж и много и повторим, что сама О.В. Малинова таковых событий не называет.

В свое время И. Кант обосновывал позицию, что, прежде чем приступать к процессу познания, нужно исследовать возможности человеческого разума как инструмента познания [Кант, 1994]. На что Г. Гегель возразил, что исследовать возможности разума – значит уже приступить к процессу познания. «Желать познавать до того, как познаем, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться плавать прежде, чем броситься в воду» [Гегель, 1975].

Эта полемика философских классиков упомянута нами в связи с тем, что, задавая критерии, удовлетворяя которым исторические события могут быть использованы для построения национально-государственной идентичности, мы уже тем самым определенным образом ее задаем. Обратимся к тому какие следствия вытекают из заявленных критериев и какого рода идентичность может быть построена на их основании.

Поскольку в целях построения идентичности необходимо, чтобы исторические события были узнаваемы, формировали позитивный образ сообщества и не вызывали бы противоположных оценок, то неудовлетворение данным требованием есть показатель «неспособности» исторических событий содействовать построению национально-государственной идентичности.

Поскольку в истории России исторических событий, удовлетворяющих приведенным выше критериям немного, то, следовательно, подавляющая часть событий отечественной истории (а, возможно, и вся история России в целом за отдельными нечастыми исключениями, если таковые вдруг сыщутся) не может способствовать построению национально-государственной идентичности.

Поскольку указанные критерии заявлены, а значит предполагаются выполнимыми, то, видимо, все национальные истории, с точки зрения возможности удовлетворения данным критериям, следует поделить на два вида (по сути это политкорректное разделение историй на «первосортные» и «второсортные»): один вид историй – истории, не позволяющие сформировать идентичность (или, скажем аккуратно, позволяющие это сделать, но трудно,

ограниченно, противоречиво и т.д.). Сюда относится и российская история. Другой вид историй – истории, в достаточном количестве располагающие историческими событиями, которые возможно использовать для формирования идентичности.

Поскольку российская история в массе своей не подходит для формирования идентичности, но есть истории, удовлетворяющие этим критериям, то с учетом настоящей необходимости формирования национально-государственной идентичности, видимо, следует опираться не на события отечественной истории, а на прошлое иных стран, удовлетворяющее приведенным выше критериям.

Это порождает вопрос о необходимости изучения отечественной истории вообще, или, по крайней мере, о сокращении в историческом образовательном блоке национального компонента за счет увеличения объема зарубежной истории.

Отметим также, что позиция, согласно которой для формирования идентичности желательно использовать зарубежную историю будет подкрепляться еще и тем обстоятельством, что российская история, будучи ограниченно пригодной для формирования идентичности, весьма успешно подходит для ее разрушения. Достаточно вспомнить, как обращение к отечественной истории в конце 80-х – нач. 90-х гг. XX в. способствовало разрушению советской идентичности и формированию идентичности антисоветской.

Поскольку Российскому государству не очень с руки использовать зарубежные исторические события в рамках исторической политики, то может ему следует вовсе отказаться от проведения исторической политики? Более того может быть государству вообще устраниваться от каких-либо мероприятий по формированию национальной идентичности? Может лучше формирование идентичности поручить иным авторам, которые обладают опытом использования более подходящего для этого ресурса, нежели отечественная история, пригодная только для разрушения таковой?

Вышеперечисленные выводы логически вытекают из заявленных посылок и согласие или несогласие с указанными положениями уже задает принципиально различную национально-государственную идентичность. Кроме того, полагаем, что не надо быть искушенным в политических баталиях, чтобы признать, что указанные выводы являются не только логическим следствием обозначенных критериев, но и некоей установкой, внедряемой в российское общество с целью формирования у него определенного отношения и к себе, и к своей истории, и к направлениям развития страны. Ни для кого не секрет, что в российском массовом, а зачастую и научном сознании настойчиво культивируется тезис, что в России, в отличие от других «цивилизованных» стран нет ничего: ни промышленности, ни науки, ни образования, ни демократии, а есть только нефть и газ, которыми мы, вдобавок, не умеем торговать. Теперь же есть и научно-теоретическое обоснование вывода, что нет и истории, позволяющей сформировать национально-государственную идентичность.

Однако нам бы не хотелось утверждать, что подобного рода подходы преследуют целью формирование какой-то определенной идентичности, например, «западной». Скорее следствием реализации подобного подхода будет если не уничтожение, то по крайней мере ослабление национально-государственной идентичности. А возникший вакуум будет заполняться представлениями удобными для тех, кто определяет задачи исторической политики.

Основанием для такого вывода является понимание того, что формирование идентичности в отсутствие противостояния оценок различных исторических, политических, культурных и т.д. событий, явлений, фигур невозможно. И не что иное как конфликт, а подчас и кризис является основанием для формирования идентичности.

И здесь интересно будет обратить внимание, что сам термин «идентичность» получил широкое распространение благодаря работам известного американского психолога Э. Эриксона, который для описания процесса формирования идентичности сформулировал представление о жизни человека, как проходящей через несколько этапов развития. Каждому этапу соответствует определенный внутриличностный конфликт, кризис, удачное разрешение которого ведет к углублению идентичности, неудачное к ее деградации, неразрешение конфликта приводит к остановке в развитии идентичности и личности в целом [Эриксон, 2006].

С точки зрения формирования национально-государственной идентичности мы можем проследить аналогичную ситуацию. Формирование идентичности зачастую происходит в результате разрешения какого-либо конфликта или кризиса. Например, теория «Москва – третий Рим» возникла в России в начале XVI века, после освобождения от ордынского ига. Россия была провозглашена империей в 1721 году по итогам победы в Северной войне. И уж тем более осознанию страны как первого социалистического государства или Советского народа как народа-победителя фашизма (последнее во многом является основой в т.ч. и современной российской идентичности) предшествовали определенные социальные потрясения и конфликты. И даже в настоящее время поиск своей национально-государственной идентичности обусловлен проблемой выхода из кризиса 80-90-х гг. XX в.

Однако кризисы и конфликты являются не только основой формирования идентичности. Они являются средством ее поддержания и укрепления. Так, представление американцев о США как самой свободной стране, лидере свободного мира является одной из важнейших составляющих национально-государственной идентичности американцев. Отметим, что сформировалась она в результате определенного конфликта – войны за независимость. Однако, как сказал один из отцов-основателей США Т. Джефферсон «дерево свободы нужно поливать время от времени кровью патриотов и тиранов, это для него естественное удобрение». Полагаем, что именно периодические социальные конфликты, причем предполагающие кровопролитие, виделись Т. Джефферсону условием сохранения американской идентичности как свободной страны. Но разве современное западное общество два с половиной века спустя не следует заветам американского отца-основателя? Милошевич, Хуссейн, Каддафи – далеко не полный список современных «тиранов», кровью которых полито «дерево свободы» свободного мира. Но еще более длинный список «тиранов», входящих в те или иные «оси зла», борьба с которыми обеспечивает западному миру поддержание позитивного представления о себе самом как о свободном.

Таким образом, полагаем, что не бесконфликтность, а именно конфликтность восприятия тех или иных событий является основанием построения национально-государственной идентичности посредством исторической политики.

Между тем, очевидно, что конфликтность восприятия исторических событий предполагает, что есть кто-то, кто является носителем иной точки зрения. Таким образом в основе идентичности лежат не просто различные оценки исторических событий, политических деятелей и т.д., а система, выражаемая следующими парами: «мы» / «они», «свой» / «чужой», «свой/другой» и т.д. И именно эта система является базой для построения идентичности, а историческая политика конечно может использоваться в целях построения национально-государственной идентичности, но одновременно является средством для более четкого проведения демаркационных линий между «своими» и «чужими».

Значимость системы «свой» / «чужой» как основы формирования самосознания неоднократно подчеркивалась исследователями, даже когда термины «идентичность», «идентификация» еще не были столь популярны как сейчас. Одним из первых, кто обратил

внимание на необходимость «Не-Я» для осознания «Я» был И. Фихте. И для И. Фихте это было не просто абстрактно философское построение, оно имело следствием выход на необходимость формирования национально-государственной идентичности немцев [Фихте, 2009]. Чуть позднее проблеме определения «себя» через «другого» и «чужого» уделил большое внимание Г. Зиммель [Зиммель, 1994]. Аналогичные мысли мы находим и у Э. Гуссерля [Гуссерль, 2006]. Эти примеры можно продолжать бесконечно. В настоящий момент можно считать общепризнанным факт, что социальная самоидентификация индивидов и сообществ вырабатывается в результате сопоставления своего «мы» с другими «они».

Учитывая вышесказанное полагаем, что построить национально-государственную, как и любую иную идентичность на бесконфликтной основе, в т.ч. на тотально разделяемых всеми оценками тех или иных исторических событий или социальных явлений невозможно. Как следствие этого невозможно создать такой образ самих себя, позитивность которого не ставилась бы под сомнение. Более того, именно тогда, когда идентичность осознается и становится достаточно прочной, когда исходя из осознания собственной идентичности предпринимаются те или иные действия, то именно в этот момент она будет подвергнута испытаниям со стороны «чужих». Фраза «Россия – это бензоколонка, которая претворяется страной» была произнесена в марте 2014 года, после известных крымских событий, явившихся следствием применения не только военных и политических ресурсов, но и проявлением осознания собственной идентичности как российским сообществом, так и жителями Крыма [Маккейн, www].

У Конфуция как-то спросили:

– Что можно сказать о человеке, если вся (*удовлетворение критерию бесконфликтности – А.М., П.С.*) деревня его любит (*удовлетворение критерию позитивности – А.М., П.С.*)?

– Это никчемный человек, – ответил Конфуций. – ...Было бы намного лучше, если бы хорошие люди из этой деревни его любили, а дурные – ненавидели [Маслов, 2005].

Заключение

Учитывая вышесказанное считаем, что российская история, особенно с учетом ее сложности и противоречивости, является уникальным материалом для целей формирования национально-государственной идентичности средствами исторической политики, а неспособность использовать ее в этих целях скорее свидетельствует о боязни или нежелании сформировать своим видением исторических событий негативный образ «себя» в глазах «значимых чужих». Например, если мы скажем, что Советская Армия освобождала Освенцим вдруг обидится Обама, полагающий, что Освенцим освобождал брат его бабушки... [Обама заявил, что его дедушка освобождал Освенцим, www].

Библиография

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. С. 95
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006. 316 с.
3. Зиммель Г. Как возможно общество? URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000081/index.shtml>
4. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 9.
5. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 12. С. 101.
6. Малинова О.В. Политика памяти в постсоветской России. URL: <https://postnauka.ru/video/41333>
7. Малинова О.В. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 116.

8. Маккейн: Россия – это бензоколонка, которая притворяется страной. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-16/Makkejn-Rossiya---eto-benzokolonka>
9. Маслов А. Тайный код Конфуция. Что пытался передать великий учитель? Ростов-на-Дону, 2005. С. 123.
10. Обама заявил, что его дедушка освобождал Освенцим. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P781IB_hr6o
11. Пивоваров Юрий_Сергеевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пивоваров,_Юрий_Сергеевич
12. Пивоваров Юрий_Сергеевич. URL: https://traditio.wiki/Юрий_Сергеевич_Пивоваров
13. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009. 349 с.
14. Цитаты Чубайса. URL: http://www.aif.ru/money/company/ya_ispytyvayu_pochti_fizicheskuyu_nenavist_k_dostoevskomu_citaty_chubaysa
15. Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 2006. 342 с.

The problem of the formation of national-state identity by means of historical policy

Pavel E. Studnikov

PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department 518,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4, Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: studnikova.marina@yandex.ru

Aleksandr A. Matytsin

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department 517,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4, Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.matytsin@rambler.ru

Abstract

This article discusses the possibility of building a national-state identity through historical politics. The authors point out that in the scientific community there is an opinion that historical events are suitable for building national-state identity, provided that they meet the criteria of recognition, positiveness and non-conflict of their perception. The article provides a criticism arising from the above criteria of inference, according to which Russian history is partially suitable for the implementation of historical policies and the formation of national-state identity. The authors substantiate the thesis that not Russian history is limitedly suitable for building national-state identity, but, on the contrary, the implementation of historical policy, based on the specified criteria, will result in a weakening of national-state identity. The authors indicate that the formation of identity does not occur in a conflict-free environment, but, on the contrary, in conditions of social conflicts. Based on a long tradition of understanding the phenomenon of identity, the authors draw attention to the fact that the social self-identification of individuals and communities is produced by comparing their “we” with other “they”. In this regard, the authors substantiate the conclusion that the necessary conditions for the formation of a national-state identity are various assessments of historical events and the underlying system of own/alien.

For citation

Studnikov P.E., Matytsin A.A. (2019) Problema formirovaniya natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti posredstvom istoricheskoi politiki [The problem of the formation of national-state identity by means of historical policy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (1A), pp. 297-306.

Keywords

National state identity, politics, history, historical politics, memory policy, politics of the past, assessment of historical events, social conflicts, the “own” / “alien” system.

References

1. Erickson E. (2006) *Identichnost'. Yunost' i krizis* [Identity. Youth and crisis]. Moscow.
2. Fichte I.G. (2009) *Rechi k nemetskoj natsii* [Speeches to the German nation]. St. Petersburg.
3. Hegel G. (1975) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow. Vol. 1.
4. Husserl E. (2006) *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian reflections]. St. Petersburg: Nauka Publ.
5. Kant I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Moscow.
6. Lenin V.I. (1968) *Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura* [Party organization and party literature]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow. Vol. 12.
7. Malinova O.V. *Politika pamyati v postsovetsoj Rossii* [The policy of memory in post-Soviet Russia]. Available at: <https://postnauka.ru/video/41333> [Accessed 12/12/2019]
8. Malinova O.V. (2013) Problema politicheski «prigodnogo» proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noi simvolicheskoi politiki v postsovetsoj Rossii [The problem of a politically “fit” past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 1, pp. 116.
9. *Makkein: Rossiya – eto benzokolonka, kotoraya pritivoryaetsya stranoi* [McCain: Russia is a gas station that pretends to be a country]. Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-16/Makkein-Rossiya---eto-benzokolonka> [Accessed 12/12/2019]
10. Maslov A. (2005) *Tainyi kod Konfutsiya. Chto pytalsya peredat' velikii uchitel'?* [Secret Confucius Code. What did the great teacher try to convey?]. Rostov-on-Don.
11. *Obama zayavil, chto ego dedushka osvobodzhdal Osventsim* [Obama stated that his grandfather liberated Auschwitz]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=P781IB_hR6o [Accessed 12/12/2019]
12. *Pivovarov Yurii_Sergeevich*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pivovarov,_Yurii_Sergeevich [Accessed 12/12/2019]
13. *Pivovarov Yurii_Sergeevich*. Available at: https://traditio.wiki/Yurii_Sergeevich_Pivovarov [Accessed 12/12/2019]
14. Simmel G. *Kak vozmozhno obshchestvo?* [How is society possible?]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000081/index.shtml> [Accessed 12/12/2019]
15. *Tsitaty Chubaisa* [Quotes of Chubais]. Available at: http://www.aif.ru/money/company/ya_ishpytyvayu_pochti_fizicheskuyu_nenavist_k_dostoevskomu_citaty_chubaysa [Accessed 12/12/2019]